

Записки графа Н. П. Игнатьева ¹⁾).

1864—1874.

Приводимъ эти записки нашего выдающагося дипломата, какъ доказательство того затмѣнія умовъ и непониманія взаимныхъ политическихъ интересовъ которое въ то время замѣчалось въ политическихъ сношеніяхъ, нынѣ союзной Россіи и Франціи.

Ред.

Недоброжелательное отношеніе къ Россіи, которымъ отмѣчена вся политика французскаго правительства въ Восточномъ вопросѣ, проявилась особенно наглядно во время возстанія на о. Критѣ, которое сосредоточило на себѣ исключительное вниманіе европейской дипломатіи въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ (1866—1869 гг.).

Дипломатическіе переговоры, происходившіе во время этого возстанія между петербургскимъ и тюильрійскимъ кабинетами, которые излагаетъ въ своихъ запискахъ Н. П. Игнатьевъ, служатъ наилучшимъ комментариемъ къ политикѣ Второй Имперіи по отношенію къ Россіи.

Въ своихъ донесеніяхъ русскому правительству гр. Игнатьевъ вскрываетъ тайныя пружины, руководившія намѣреніями Наполеона III, который старался изолировать Россію въ Константинополѣ и подчеркнуть въ глазахъ турокъ и христіанъ разницу въ отношеніяхъ къ нимъ Франціи и Россіи. Стараясь добиться первенствующаго вліянія на христіанское населеніе Турціи, французы хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Турція считала ихъ своими искренними друзьями и защитниками отъ честолюбивыхъ намѣреній Россіи. Выясняя соперничество и недоброжелательство къ намъ тогдашняго французскаго прави-

¹⁾ Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874 г.). Seconde periode. Извѣстія министерства иностранныхъ дѣлъ. 1914. Книга II.

тельства, гр. Игнатъевъ говоритъ: „Всякій разъ, какъ намъ приходилось отстаивать правое дѣло, — если только въ немъ были прямо или косвенно замѣшаны интересы Россіи на Востокѣ—мы всегда оставались одинокими передъ лицомъ сплотившейся противъ насъ Европы“¹⁾.

Поощреніе, которое французское правительство оказывало втайнѣ возставшимъ критянамъ, ввело послѣднихъ въ заблужденіе; они не давали себѣ отчета въ томъ, что Франція хотѣла только отвлечь вниманіе турокъ отъ Придунайскихъ княжествъ, въ судьбѣ которыхъ она была заинтересована; между тѣмъ возстаніе критянъ приняло такіе размѣры, что не только румынскій вопросъ, занимавшій въ ту пору Францію, но и многіе другіе вопросы Восточной политики надолго отошли на задній планъ.

Франція, собственно говоря, весьма мало интересовалась судьбою критянъ, а затянувшееся возстаніе не согласовалось съ программой ея Восточной политики; поэтому она старалась сдѣлать отвѣтственной за событія Россію, тогда какъ русское правительство не только поощряло возставшихъ критянъ, но вначалѣ не выказывало имъ даже никакого сочувствія. Принявъ во вниманіе соціальныи и экономическій переворотъ, который Россія переживала въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка, ея стѣсненное въ то время финансовое положеніе, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, затруднявшее перевозку войскъ, только что пережитое возстаніе въ Польшѣ и другіе факторы ея внутренней жизни, легко понять, что Россія не могла желать войны и поэтому „русское правительство не только ничего не сдѣлало, чтобы вызвать возстаніе на Критѣ, какъ утверждали впоследствии, но считало его крайне несвоевременнымъ“.

„Я, со своей стороны, старался всѣми силами сдержать начавшееся движеніе, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, и предложилъ нашему генеральному консулу въ Канѣ разъяснить критянамъ, что Россія не можетъ притти имъ на помощь и предотвратить кровопролитіе. Въ то же время я совѣтовалъ Порту исполнить требованія критянъ, старался задержать посылку войскъ изъ Константинополя и воздѣйствовать на греческаго посланника и на моихъ коллегъ, чтобы не довести дѣло до войны“. Но всѣ его старанія парализовались тѣмъ, что представители западныхъ державъ поддерживали Порту во всѣхъ ея начинаніяхъ, и вскорѣ стало совершенно ясно, что съ той и другой стороны никакіе совѣты не будутъ приняты, только серьезныя уступки со стороны Порты могли положить конецъ возстанію.

¹⁾ Въ настоящее время этотъ взглядъ совершенно несоотвѣтствуетъ убѣжденіямъ нашихъ союзниковъ. Ред.

Въ исходѣ августа гр. Игнатьеву повелѣно было войти въ соглашеніе съ французскимъ и англійскимъ посланниками относительно совмѣстнаго шага передъ Портою для замиренія Крита, въ крайнемъ случаѣ ему разрѣшалось дѣйствовать энергично помимо отъ его коллегъ. Графъ очень скоро убѣдился въ томъ, что на единодушіе державъ трудно было рассчитывать.

6/18 сентября онъ писалъ кн. Горчакову: „я не надѣюсь, чтобы Франція искренно захотѣла присоединиться къ шагу, который будетъ сдѣланъ не по ея инициативѣ, при томъ въ интересахъ православнаго населенія, мало доступнаго вліянію Франціи“. И въ самомъ дѣлѣ, французскій посланникъ, маркизъ Мустье всячески тормозилъ дѣло и убѣждалъ турокъ не увлекаться нашими совѣтами.

„Критяне подняли возстаніе, не будучи достаточно къ нему подготовлены, писалъ Н. П. Игнатьевъ въ томъ же письмѣ, и оно будетъ подавлено, ежели греческое и славянское населеніе Турціи не придетъ на помощь критянамъ и не отвлечетъ вниманіе турокъ... Борьба, которую каждый народъ ведетъ отдѣльно, губить нашихъ единовѣрцевъ; между тѣмъ избѣжать подобныхъ столкновеній невозможно, такъ какъ ихъ можетъ вызвать всякая случайность... Я предвижу, что, въ случаѣ побѣды турокъ, жалобы и сѣтованія христіанъ обрушатся на Россію — единственную державу, дѣйствительно интересующуюся ихъ судьбою; и что насъ будутъ укорять за то, что мы ихъ покинули“.

Гр. Игнатьевъ, какъ и можно было ожидать, не встрѣтилъ, поддержки со стороны державъ въ своемъ выступленіи въ пользу критянъ; когда же онъ сдѣлалъ попытку вступить непосредственно въ переговоры съ Портой, послѣдняя отнеслась къ этому шагу подозрительно.

„Жребій брошенъ“, сказалъ кн. Горчаковъ повѣренному въ дѣлахъ Турціи на его сообщеніе о томъ, что Порта рѣшила подавить возстаніе критянъ вооруженной силой. Слова канцлера были невѣрно истолкованы, и турецкое правительство стало относиться къ намъ недовѣрчиво, полагая, что Россія рѣшила осуществить свой планъ раздѣла Турецкой имперіи.

Сочувствіе, съ какимъ русское общество и русская печать отнеслись къ критянамъ, денежные сборы, подписки, балы въ пользу возставшихъ произвели на турокъ огромное впечатлѣніе и поддерживали въ возставшихъ надежду на помощь со стороны Россіи. Когда же пронесся слухъ о предстоявшемъ бракосочетаніи греческаго короля Георга съ великой княжной Ольгой Константиновной, это вызвало въ нашихъ единовѣрцахъ самыя несбыточныя мечты.

„Я опасался послѣдствій этого брака“, говоритъ гр. Игнатъевъ, „я понималъ, въ какое трудное положеніе событіе это поставитъ насъ относительно грековъ и относительно Европы и Порты. Изъ бесѣдъ съ греками я убѣдился въ томъ, что такъ какъ бракъ короля совпалъ съ возстаніемъ на о. Критѣ, то Критъ, по ихъ понятію, долженъ былъ составить приданое ихъ будущей королевы и если бы намъ не удалось добиться присоединенія его къ Греціи, то критяне обвинили бы насъ въ томъ, что мы ихъ обнадружили своими сочувственными манифестаціями и не сдержали своихъ нравственныхъ въ отношеніи ихъ обязательствъ... Популярность, которую мы приобрѣли въ Греціи, создала для насъ крайне щекотливое положеніе и заставляла насъ дѣйствовать особенно осторожно“.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1866 г. мы могли бы еще добиться при поддержкѣ Англіи нѣкоторой автономіи Крита, но послѣ бракосочетанія короля Георга всѣ поняли, что мы были отнынѣ заинтересованы въ успѣшномъ разрѣшеніи критскаго вопроса“... Дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Лордъ Лайонсъ сразу это понялъ и укорялъ Н. П. Игнатъева за то, что „онъ хотѣлъ провести его и воспользоваться англійскимъ вліяніемъ, чтобы сдѣлать имя великой княгини популярнымъ въ Греціи... Совмѣстное дѣйствіе съ Англіей было уже невозможно и освобожденіе критянъ являлось ближайшей цѣлью, къ которой намъ слѣдовало настойчиво стремиться, такъ какъ наше вліяніе на Востокъ зависѣло всецѣло отъ нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ“.

Между тѣмъ возстаніе на о. Критѣ разгоралось, и турки боялись, что съ наступленіемъ весны начнется броженіе среди прочихъ христіанскихъ народностей Турціи.

„Эти опасенія весьма важно поддержать“, писалъ графъ Игнатъевъ канцлеру 29 ноября, „не принимая, впрочемъ, активнаго участія въ конфликтѣ“. Для выясненія истиннаго положенія дѣлъ на островѣ, онъ подалъ русскому правительству мысль настаивать на послыскѣ въ Кандію смѣшанной комиссіи изъ представителей державъ.

Али-паша официально протестовалъ противъ послыски этой комиссіи, но въ то же время, бесѣдуя съ гр. Игнатъевымъ однажды съ глазу на глазъ, довольно прозрачно далъ ему понять, что Порта ничего не имѣла бы противъ, если бы державы заставили ее согласиться на это, поэтому Н. П. Игнатъевъ энергично настаивалъ на своей мысли. „Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, всѣ мои настоянія оказались напрасны“. Наши переговоры съ державами были перенесены на почву обсужденія

Восточнаго вопроса во всей его совокупности. Тюильрійскій кабинетъ, дѣлая видъ, что онъ готовъ присоединиться къ нашему взгляду, выступилъ въ январѣ мѣсяцѣ 1867 г. съ предложеніемъ присоединить къ Греціи Эпиръ и Фессалію и заняться вопросомъ объ улучшеніи судьбы христіанскихъ подданныхъ султана. Со стороны Франціи это было не что иное, какъ ловкій маневръ, чтобы уклониться отъ обсужденія Критскаго вопроса, дать Турціи время подавить возстаніе силой и, открывъ передъ нами болѣе обширные горизонты, заставить насъ потерять изъ вида главный предметъ нашихъ заботъ“.

Въ виду важнаго значенія, какое имѣлъ поднятый Франціей вопросъ объ увеличеніи греческой территоріи присоединеніемъ къ ней Эпира и Фессаліи, интересно знать, какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ человекъ, столь близко знакомый съ дѣлами на ближнемъ Востокѣ, какимъ былъ въ вопросѣ, не потерявшемъ до сихъ поръ своей остроты,—гр. Игнатъевъ. Онъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ депешѣ къ канцлеру кн. Горчакову отъ 1/13 февраля 1867 г.

„Присоединеніе Эпира и Фессаліи къ Греціи нарушитъ равновѣсіе между греческимъ и славянскимъ элементомъ на Востокѣ“, писалъ графъ,—„ежели славяне не получаютъ одновременно соотвѣтствующей компенсаціи, напр., ежели Сербія не получитъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію. Мы не можемъ согласиться на такую комбинацію, которая заставитъ чашу вѣсовъ склониться снова въ пользу грековъ; славяне не могутъ согласиться на раздѣлъ, по которому львиная доля достанется грекамъ... ибо послѣдствія такого раздѣла отразились бы самымъ пагубнымъ образомъ на нашихъ политическихъ интересахъ... Сомнительно, чтобы державы стали единодушно содѣйствовать осуществленію плана, который нанесетъ ударъ цѣлости Турецкой имперіи. Великобританія, какъ сознался лордъ Лайонсъ въ 1866 г., до сихъ поръ сожалѣетъ о томъ, что, давъ свое согласіе на присоединеніе къ Греціи Ионическихъ острововъ она была причиной ихъ несчастія; едва-ли она рѣшится настаивать чтобы Порта уступила Греціи Эпиръ и Фессалію.

„Во всякомъ случаѣ Порта уступитъ только подъ давленіемъ матеріальной силы, а державы едва-ли рѣшатся прибѣгнуть къ этому средству“... „Что касается реформъ и вопроса о расширеніи греческой территоріи, намъ придется дорого заплатить за содѣйствіе Франціи, на которое мы рассчитываемъ... Огромная разница между проектомъ реформъ, предложеннымъ маркизомъ Мустье, и тѣмъ, который выработанъ петербургскимъ

кабинетомъ, и это показываетъ, какъ далеко отъ плановъ Франціи до нашихъ желаній.

Исходя изъ этихъ соображеній, гр. Игнатъевъ высказался рѣшительно за отклоненіе предложеній, сдѣланныхъ Франціей, но „наше министерство иностранныхъ дѣлъ, говоритъ онъ, сочло возможнымъ имъ воспользоваться, чтобы приготовить почву къ миролюбивому рѣшенію Восточнаго вопроса“.

„Переговоры съ Франціей тянулись нѣсколько лѣтъ, мы потеряли драгоцѣнное время, ничего не достигнувъ, но они подчеркнули еще разъ, что *въ вопросъ о реформахъ въ Турціи взгляды западныхъ державъ были всегда диаметрально противоположны нашимъ взглядамъ*“. Такое рѣшеніе вопроса, которое не обезпечило бы автономію христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, не отвѣчало бы цѣлямъ, которыя мы себѣ поставили; между тѣмъ осуществленіе реформъ, на которыхъ настаивали западныя державы, усилило бы власть турокъ надъ христіанами, подавивъ одновременно національныя стремленія христіанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинило бы Турцію власти западныхъ державъ и поставило бы ее во враждебныя отношенія къ Россіи.

„Этотъ антагонизмъ интересовъ и стремленій“, существующій между Россіей и западными державами въ Восточномъ вопросѣ, „весьма прискорбенъ, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, но онъ создался силою вещей и отрицать его значитъ готовить себѣ напрасныя разочарованія“.

„Переговоры съ Франціей, обнаруживъ преждевременно наши истинныя взгляды и желанія, послужили въ ущербъ намъ... Али-паша, котораго я упрекнулъ однажды за его ни на чемъ не основанное недовѣріе къ намъ, возразилъ мнѣ на это, что обнародованная нами министерская записка о неотложности реформъ обнаружила радикальность нашихъ стремленій и сдѣлала въ этомъ отношеніи больше, нежели всѣ внушенія иностранныхъ державъ; эта программа *мирнаго уничтоженія Турціи* одна въ состояніи подорвать къ намъ довѣріе Порты и заставить ее остерегаться нашихъ совѣтовъ“, добавилъ онъ.

Видя явное соперничество Франціи, Н. П. Игнатъевъ считалъ за лучшее прервать съ нею переговоры, тѣмъ болѣе, что прочія „державы также склоняли Порту не соглашаться на наши требованія и дали ей понять, что, несмотря на всѣ старанія Россіи заставить Европу предпринять „Крестовый походъ“ противъ Турціи, западныя державы по-прежнему относятся къ Портѣ доброжелательно и предоставляютъ ей полную

свободу дѣйствию какъ въ отношеніи Крита, такъ и въ отношеніи прочихъ христіанъ“.

Получая подобныя совѣты, Порта весьма естественно уклонялась отъ серьезныхъ жертвъ, какихъ требовала отъ нея Россія“.

Бѣдственное положеніе критянъ встревожило наконецъ общественное мнѣніе Англии, и Сентъ-Джемскій кабинетъ, все еще не допуская мысли о присоединеніи острова къ Греціи, преподалъ Портѣ совѣтъ, ради своей собственной безопасности, всесторонне обсудить еще разъ критскій вопросъ. Одновременно въ Константинополѣ было получено извѣстіе о томъ, что въ Эпирѣ, Фессаліи и Македоніи дѣйствовали тайныя комитеты и со дня на день готово было вспыхнуть возстаніе. Это произвело на Порту удручающее впечатлѣніе, и она, вѣроятно, пошла бы на уступки, ежели бы Франція дѣйствовала открыто, безъ заднихъ мыслей; но это не входило въ намѣренія французскаго кабинета и его коварныя увѣренія увлекли Россію на ложный путь, „усѣянный“, какъ выразился гр. Игнатьевъ ¹⁾ „опасностями и разочарованіями“.

Буре, вновь назначенный въ Константинополь французскій посланникъ, держалъ себя такъ же, какъ и его предмѣстникъ, двусмысленно, скрывалъ отъ Порты соглашеніе, состоявшееся между французскимъ и русскимъ правительствомъ, и одновременно поддерживалъ тайныя сношенія съ греками, предлагая имъ свои услуги не только для приобрѣтенія Криты, но и другихъ турецкихъ провинцій и убѣждая ихъ возлагать свои надежды на поддержку Франціи, а не на „безсильныя симпатіи Россіи“.

„Двоедушіе Тюильрійскаго кабинета было дотога очевидно, что многіе, по словамъ гр. Игнатьева „полагали, что онъ сблизился съ нами единственно съ цѣлью вывѣдать наши планы и разстроить ихъ, сыгравъ въ руку Портѣ... Быть можетъ, это обвиненіе было преувеличено, но во всякомъ случаѣ у французъ была задняя мысль: начиная съ 1861 г., Наполеонъ III искалъ себѣ въ Европѣ союзниковъ и не зналъ, на комъ остановить свой выборъ. Дѣйствовать открыто заодно съ нами онъ не рѣшался отчасти изъ боязни Англии, отчасти потому, что онъ надѣялся на Пруссію, полагая, что она будетъ не прочь заключить соглашеніе съ Франціей. Такимъ образомъ, подготавливая себѣ путь къ союзу съ Россіей, Наполеонъ въ то же

¹⁾ Письмо къ кн. Горчакову отъ 24 января 1867 г.

время не хотѣлъ скомпрометтировать себя передъ другими державами и не хотѣлъ ничѣмъ связать себѣ руки“.

Въ началѣ 1867 г. петербургскій кабинетъ обратился къ державамъ съ предложеніемъ произвести на Порту давленіе для скорѣйшаго рѣшенія критскаго вопроса. Всѣ кабинеты, за исключеніемъ Сентъ-Джемскаго, изъявили на это согласіе и поручили своимъ представителямъ воздѣйствовать на Порту, но посланники, вмѣсто того чтобы сдѣлать этотъ шагъ совмѣстно и вручить Портѣ тождественную ноту одновременно, сдѣлали это каждый отдѣльно. Въ Стамбулѣ поняли, что настоящаго согласія между державами не было, и быстро оправились отъ страха, вызваннаго первымъ извѣстіемъ о „совмѣстномъ“ шагѣ державъ... Между тѣмъ, какъ видно изъ словъ Али-паши, турецкіе министры были готовы подчиниться силѣ и позволили бы державамъ „вызвать“ у нихъ уступки, на которыя они не рѣшались пойти сами, изъ боязни возстановить противъ себя общественное мнѣніе страны.

„Можемъ ли мы пойти на уступки подѣ давленіемъ дипломатическаго шага, сдѣланнаго державами“— сказалъ Али-паша графу Игнатъеву въ минуту откровенности; „только вооруженное вмѣшательство могло бы спасти насъ отъ отвѣтственности... Страна простила бы намъ только въ одномъ случаѣ: если бы мы отстаивали свои права до послѣдней крайности... Вы можете вырвать у насъ Кандію, но мы никогда не отдадимъ ее добровольно“.

Текстъ ноты, предъявленной Портѣ представителями державъ, былъ, оказывается, заранѣе извѣстенъ турецкимъ министрамъ, такъ же точно, какъ и конфиденціальныя предложенія, сдѣланныя петербургскимъ кабинетомъ французскому правительству; мало того—Али и Фуадъ знали заранѣе о томъ, какъ державы отнесутся къ отказу Порты исполнить ихъ требованіе. Они знали, что наибольшимъ проявленіемъ неудовольствія со стороны Франціи будетъ только „нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ обоихъ правительствъ, „и“ что согласіе между державами будетъ нарушено въ тотъ день, когда одна изъ нихъ вздумала бы перейти отъ платоническихъ совѣтовъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ“.

Если бы Франція въ самомъ дѣлѣ хотѣла достигнуть прочнаго соглашенія съ Россіей, то она воспользовалась бы, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, „посѣщеніемъ Парижа Императоромъ Александромъ II весной 1867 г. Всѣ недоразумѣнія легко могли бы быть устранены личными объясненіями кн. Горчакова съ маркизомъ Мустье. Ничего подобнаго не случилось. Желая какъ-

нибудь ослабить невыгодное впечатлѣніе, произведенное разногласіемъ между обѣщаніями Тюильрійскаго кабинета и поступками французскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ, Наполеонъ III заявилъ, что „отъ турокъ ничего нельзя добиться, потому что они рассчитываютъ на поддержку англичанъ“.

Вслѣдъ за Императоромъ Александромъ II посѣтилъ Парижъ турецкій султанъ, Наполеонъ III „только для очистки совѣсти“, какъ говоритъ гр. Игнатъевъ, замолвилъ въ бесѣдѣ съ нимъ слово въ пользу критянъ. Его просьба осталась безъ послѣдствій.

„Что касается меня, читаемъ въ письмѣ гр. Игнатъева русскому канцлеру, я ни минуты не заблуждался на счетъ послѣдствій, какія могло имѣть путешествіе султана по Европѣ, оно связало насъ въ Константинополѣ по рукамъ и по ногамъ“...

Какъ я и предвидѣлъ, ловкій министръ иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшій султана въ Европу, извлекъ изъ этой поѣздки огромную выгоду. Онъ такъ ловко сумѣлъ отстранить всѣ попытки вмѣшательства державъ въ пользу критянъ и упрочить вліяніе порты, что по возвращеніи султана въ Константинополъ ни султанъ, ни Али-паша не хотѣли болѣе и слышать объ уступкѣ Крита.

„По истинѣ можно было сказать: жребій брошенъ, ибо на обѣщанія Наполеона III нельзя было болѣе рассчитывать. Бесѣдуя съ султаномъ о недавнемъ свиданіи съ русскимъ Императоромъ, Наполеонъ III утверждалъ, что Е. И. В.,—если не говорить о Критскомъ вопросѣ—настроенъ миролюбиво“.

„Что касается меня“, будто бы сказалъ императоръ французовъ, какъ передавалъ впослѣдствіи гр. Игнатъеву Фуадъ-паша, „я не заинтересованъ въ этомъ вопросѣ непосредственно; вамъ же слѣдуетъ установить добрыя отношенія съ Россіей, иначе она можетъ сдѣлать вамъ не мало зла. Присоединяясь къ ея шагамъ въ Критскомъ вопросѣ, я этимъ только хочу предотвратить это зло; Франціи нѣтъ въ сущности никакой надобности вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи“.

Фуадъ-паша былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ и много говорилъ гр. Игнатъеву о симпатіи и предупредительности, выказанной западными державами султану и ему лично. По его словамъ, въ Англіи въ особенности не только дворъ и члены правительства, но каждый англичанинъ старался быть пріятнымъ султану. Султанъ былъ также очень доволенъ предупредительностью къ нему короля прусскаго и императора австрійскаго. Вообще турки возвратились въ Константинополь

подъ впечатлѣніемъ, что вся Европа питаетъ къ нимъ величайшую симпатію.

Въ то время, какъ султану былъ оказанъ при европейскихъ дворахъ столь радушный пріемъ, турецкія войска самымъ жестокимъ образомъ расправлялись съ христіанами на Критѣ. Омеръ-паша этого не отрицалъ и выражалъ даже глубокое сожалѣніе по поводу этихъ варварскихъ поступковъ, но не видѣлъ возможности предотвратить ихъ. „Это было равносильно сознанию въ безсиліи власти“.

Однако Порта, видя, что Россія продолжала настаивать на своихъ требованіяхъ, и опасаясь, чтобы мы не выступили самостоятельно на помощь критянамъ, рѣшилась на слѣдующій шагъ.

Въ первыхъ числахъ августа, за день до отъѣзда гр. Игнатъева изъ Константинополя въ Ливадію, Фуадъ-паша заявилъ нашему посланнику, что „онъ убѣдился въ необходимости притти къ соглашенію съ Россіей“, а нѣсколько дней спустя графъ Николай Павловичъ узналъ, что Фуаду было приказано отправиться въ Крымъ, гдѣ находился въ то время Государь, чтобы привѣтствовать Е. И. В. и засвидѣтельствовать ему дружественныя чувства султана къ Россіи.

Возлагая это порученіе на одного изъ самыхъ выдающихся и прогрессивныхъ турецкихъ сановниковъ, Порта, очевидно, хотѣла непосредственно узнать взгляды и намѣренія Императора Александра II въ Восточномъ вопросѣ.

Возвышенныя чувства Императора, ясность, съ какою онъ изложилъ Фаудъ-пашѣ свои мысли, произвели на турецкаго министра огромное впечатлѣніе. Онъ говорилъ гр. Игнатъеву, что бесѣда съ Императоромъ окончательно убѣдила его въ искренности нашихъ намѣреній и въ томъ, что Турціи слѣдовало войти въ соглашеніе съ Россіей, имѣющей право на законное вліяніе на Востокъ. Въ доказательство готовности своего правительства принять во вниманіе совѣты и требованія Императора, Фуадъ-паша заявилъ „о готовности султана прекратить немедленно непріязненныя дѣйствія“, присовокупивъ, что „уступка, сдѣланная непосредственно самому русскому Императору, была бы не столь тягостна султану, какъ необходимость пойти на уступки подъ давленіемъ иностранныхъ державъ“.

Гр. Игнатъеву было разрѣшено начать переговоры съ Фуадъ-пашею. Ознакомясь съ нашими требованіями, онъ заявилъ категорично, что онъ согласенъ на три пятыхъ реформъ, на которыхъ мы настаиваемъ, и что по возвращеніи въ Константино-

поль онъ постарается притти къ соглашенію и относительно прочихъ пунктовъ.

Что касается тѣхъ мѣръ, которыя Турція обѣщала намъ принять по отношенію Крита, то онѣ были приведены въ исполненіе немедленно; критянамъ дарована полная амнистія, всѣмъ желавшимъ покинуть островъ было дозволено выселиться и перемиріе заключено на шесть недѣль. Это имѣло особенно важное значеніе, такъ какъ это время могло быть употреблено на переговоры съ державами, поэтому, пишетъ Н. П. Игнатъевъ „по отѣздѣ Фуадъ-паши изъ Ливадіи, я тотчасъ изложилъ министерству, по повелѣнію Императора, свое мнѣніе о необходимости воспользоваться перемиріемъ, достигнутымъ его величествомъ, и предложить прочимъ державамъ настаивать совместно съ нами на томъ, 1) чтобы блокада Крита была объявлена не достигающей цѣли, 2) чтобы перемиріе было продолжено и 3) чтобы на островъ были посланы европейскіе комиссары“.

„Одновременно, выработанный мною проектъ реформъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета министровъ, но такъ какъ послѣдній не раздѣлялъ моихъ взглядовъ, то мнѣ пришлось взять обратно текстъ этого проекта, переданный мною Фуадъ-пашѣ; и мы потеряли такимъ образомъ единственный случай упрочить наше вліяніе на Турцію и добиться отъ нея существенныхъ уступокъ въ пользу христіанъ“.

„Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Франція боялась послѣ Ливадійскаго свиданія сепаратнаго соглашенія Россіи съ Турціей; въ то же время она боялась нашего сближенія съ Германіей и хотѣла помѣшать ему, возобновивъ переговоры съ Петербургскимъ кабинетомъ. Поэтому весьма вѣроятно, что въ случаѣ категорическаго требованія съ нашей стороны Тюльрійскій кабинетъ былъ бы не прочь оказать намъ свое содѣйствіе, если бы мы предложили ему принять участіе въ переговорахъ, имѣвшихъ единственной цѣлью урегулированіе Критскихъ дѣлъ. Съ другой стороны возможно, что если бы вопросъ былъ поставленъ ясно и опредѣленно, то и Сентъ-Джемскій кабинетъ присоединился бы къ нашей точкѣ зрѣнія... но мое предложеніе, удостоившееся высочайшаго одобренія, не было принято, и перемиріе, достигнутое въ Ливадіи было потеряно безъ всякой пользы, и военныя дѣйствія, возобновившіяся въ исходѣ осени, продолжались всю зиму 1867—68 года“.

„Мое предложеніе не было принято нашимъ министерствомъ по той причинѣ, что оно намѣревалось въ это время заявить

Турція о своемъ рѣшеніи не вмѣшиваться болѣе въ ея дѣла и собиралось предложить великимъ державамъ присоединиться къ этому шагу. Узнавъ объ этомъ, я счелъ долгомъ предостеречь князя Горчакова, что этотъ шагъ, „сдѣланный вслѣдъ за неудавшейся попыткой активнаго вмѣшательства, будетъ сочтенъ признаніемъ безсилія съ нашей стороны и поэтому не будетъ имѣть того характера, который мы хотѣли придать ему, и только свяжетъ намъ безовсякой пользы руки“.

„Турки были бы, конечно, очень довольны невмѣшательствомъ державъ, чего они всегда добивались, но провести этотъ принципъ на дѣлѣ было бы нелегко“.

„Повѣренный въ дѣлахъ Франціи говорилъ мнѣ, что его правительство не можетъ держаться политики невмѣшательства на Востокѣ. Документы, обнародованные впоследствии Тюльрийскимъ кабинетомъ, свидѣтельствуютъ, что—по его понятію принципъ невмѣшательства могъ быть проведенъ лишь по отношенію къ Криту, а не ко всему Восточному вопросу, какъ полагали у насъ. Такъ объяснялъ сущность готовившейся деклараціи г. Буре, по возвращеніи своемъ въ Константинополь, держа отъ своихъ коллегъ въ тайнѣ текстъ документа, который былъ сообщенъ ему первому. Французскій посланникъ старался въ особенности избѣгать всякихъ разговоровъ о Критскомъ вопросѣ со мной, между тѣмъ, пробывъ четыре мѣсяца въ Парижѣ, онъ долженъ былъ вполнѣ быть освѣдомленъ о намѣреніяхъ своего правительства“.

Надѣясь, что министерство приметъ во вниманіе высказанныя имъ опасенія, гр. Игнатъевъ медлилъ съ передачей деклараціи турецкому правительству, но, подчиняясь требованію Петербурга, онъ вручилъ наконецъ Фуаду-пашѣ совместно со своими коллегами декларацію, въ которой кабинеты заявляли, что они слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія Порты и отказываютъ ей въ дальнѣйшей нравственной поддержкѣ.

„Декларація эта могла бы быть полезна и даже необходима, если бы среди христіанъ Балканскаго полуострова началось броженіе, но такъ какъ ничего подобнаго не было, то этотъ шагъ былъ неумѣстенъ и не принесъ никакой пользы. Какъ эпилогъ коллективныхъ выступленій державъ или, по выраженію маркиза Мустье, какъ „последній актъ Критской комедіи“ онъ далъ державамъ возможность съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія и отказаться отъ мысли о присоединеніи Крита къ Греціи. Что всего хуже—турки послѣ этого шага

ничѣмъ не были стѣснены въ отношеніи своихъ подданныхъ-христіанъ“.

Между тѣмъ, по словамъ гр. Игнатъева, дѣла могли принять совершенно иной оборотъ, если бы мы воспользовались перемиріемъ, которое имѣло огромное вліяніе на ходъ возстанія: въ іюль мѣсяцъ положеніе мятежниковъ было критическое, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ возвращенія Фуада-паши изъ Крыма, когда были приостановлены военныя дѣйствія, мятежники воспрянули духомъ; получивъ возможность отправить свои семьи въ Грецію, получивъ съѣстные припасы и аммуницію, они могли продержаться еще цѣлый годъ. Турки понимали, что положеніе измѣнилось изъ-за уступки, сдѣланной ими въ Ливадіи. Они объ этомъ сожалѣли и старались наверстать потерянное. Съ этой цѣлью Аля-паша былъ посланъ полномочнымъ комиссаромъ на островъ Кратъ съ порученіемъ выработать новый проектъ администраціи острова.

Ознакомившись съ подробностями этого проекта, гр. Игнатъевъ сказалъ Фуадъ-пашѣ, что онъ не удовлетворитъ критянъ и слѣдовательно не будетъ одобренъ Россіей, на что турецкій министръ замѣтилъ, что „пока державы не остановятъ Порту, она будетъ итти по намѣченному ея пути“. Это признаніе было весьма знаменательно. Ясно, что Порта рассчитывала на снисходительность Франціи, была увѣрена въ поддержкѣ Австріи и была увѣрена, что не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны Англіи, которая съ самаго начала высказывалась противъ какого бы то ни было давленія на Турцію; наконецъ, Порта понимала, что и Петербургскій кабинетъ не предприметъ никакого рѣшительнаго шага. Такимъ образомъ турецкіе министры не разъ готовы были уступить силѣ, но наша нерѣшительность дала имъ предлогъ не дѣлать уступокъ, которыя у нихъ слѣдовало вырвать.

Во время возстанія критянъ греки были такъ увѣрены въ поддержкѣ Россіи, что разорялись, поддерживая мятежниковъ, въ надеждѣ, что эта проволочка дастъ Россіи возможность выполнить свои обѣщанія.

Порта была готова на разрывъ съ Греціей и едва сдерживала свое раздраженіе противъ нея. Въ исходѣ 1868 года озлобленіе Порты достигло крайней степени; она рѣшила показать грекамъ всю бесплодность ихъ надеждъ на русскую помощь и въ первыхъ числахъ декабря предъявила Греціи ультиматумъ.

Предвидя многочисленныя бѣдствія, какія этотъ шагъ могъ повлечь за собою, гр. Игнатъевъ старался воздѣйствовать на своихъ коллегъ и побудить ихъ остановить турокъ на пути къ

крайнимъ мѣрамъ. Они отнеслись къ этому довольно равнодушно, не желая производить давленія на Порту, однако, уступая ея желанію они все-таки рѣшили добиться у Али-паши двухнедѣльной отсрочки, чтобы преподать Греціи совѣтъ дѣйствовать болѣе умѣренно.

Эта отсрочка дала возможность созвать конференцію для обсужденія этого вопроса. Въ депешѣ къ канцлеру отъ 10—22 декабря 1868 г. гр. Игнатьевъ писалъ, что „созывъ европейской конференціи былъ единственнымъ средствомъ устранить опасность“; по его мнѣнію, она была тѣмъ болѣе необходима, что Франція могла раздуть греко-турецкій инцидентъ въ своихъ собственныхъ видахъ.

Гр. Бисмаркъ отнесся къ мысли о созывѣ конференціи весьма сочувственно. Она состоялась въ Парижѣ. Турки понимали всю важность момента и съ тревогой ожидали рѣшенія конференціи; которое имѣло огромное значеніе для ея дальнѣйшей судьбы; они понимали, что осужденіе ихъ дѣйствій европейскимъ ареопагомъ нанесетъ имъ роковой ударъ, тогда какъ благопріятное для нихъ рѣшеніе могло поднять ихъ престижъ и на долго упрочить ихъ существованіе. Поэтому велика была радость Порты въ январѣ 1869 г., когда ей стало извѣстно рѣшеніе конференціи. Не только ея поведеніе не вызвало ни малѣйшаго неодобренія, но даже ультиматумъ, предъявленный ею Греціи, былъ одобренъ въ самыхъ существенныхъ его пунктахъ. Особенно поразило Порту полнѣйшее совпаденіе рѣшеній, конференціи съ предварительными заявленіями представителей западныхъ державъ, которые предсказали и продолжительность конференціи и главные пункты рѣшенія, которые будутъ ею приняты.

Уступки, которыя пришлось сдѣлать Россіи ради поддержанія европейскаго мира, были весьма значительны; „по общему мнѣнію, рѣшенія, принятыя на парижской конференціи, были полнымъ пораженіемъ нашей политики, и оно доказало еще разъ старую истину, что когда намъ приходится защищать самое справедливое дѣло, если только оно касается хотя бы косвенно или непосредственно интересовъ Россіи на Востокѣ, мы оказываемся всегда одинокими передъ лицомъ сплотившейся противъ насъ Европы“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

